

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ НОВОЙ КНИГИ О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

На примере анализа книги Э.С. Кульпина “Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства” (М., 2007) [1] автор сопоставляет особенности средневекового развития Восточной и Западной Европы. Указано на значение исследования Кульпиным системы “природа-общество” на примере Золотой Орды. Но отмечена идеализация этого государства, возникшая из-за поверхностных сопоставлений с западноевропейским Средневековьем.

Введение

С интересом была прочитана монография Э.С. Кульпина об итогах большого междисциплинарного исследования о Золотой Орде и ее месте в европейской истории. Новизна подхода – не только в соединении исторического анализа с естественно-географическим, но и в представлениях автора, пришедшего в историю пусть и со смежной, но все же из иной специальности – из экономики. Такой взгляд со стороны открывает новые познавательные возможности¹. Но при этом, несмотря на использование трудов некоторых известных специалистов по западноевропейскому Средневековью (Ж.Ле Гоффа, А.Я. Гуревича), в монографии Эдуарда Сальмановича присутствует свойственный современной российской историографии российско- или даже евразийскоцентричный подход. Западная история используется как фон. Не хватает системного компаративного подхода, что, впрочем, понятно: нельзя объять необъятное. В связи с этим хотелось бы дополнить указанное исследование тем, на что не обратил внимание автор, и сделать его концепцию еще более обоснованной.

Желание написать предлагаемые заметки возникло уже после прочтения одной из вводных фраз книги о том, что она *“посвящена самому большому и хорошо организованному государству Европы XIII – XIV вв. – Золотой Орде”*. И далее: *“В период расцвета в Золотой Орде был достигнут самый высокий уровень жизни по сравнению с Европой той эпохи”* [1, с. 2]. Если имеется в виду военно-административная организация, то да. Но в остальном – бездоказательно, ибо надо сравнивать не только материальный уровень знати и отдельных привилегированных групп золотоордынских горожан с западноевропейскими, но также степени их свобод. Определенная идеализация Золотой Орды вызвана, вероятно, нечеткими представлениями автора о западном Средневековье. Вот на это нам и хотелось бы обратить внимание.

Основная часть

В начале исследования автор ставит актуальный не только в научном, но и в политическом дискурсе вопрос: *“Опережала ли в своем развитии Русь Западную Европу, была равной с ней или отставала?”* И обещает дать ответ на основании анализа хозяйства, культуры и идеологии. Первый же тезис: западноевропейские варвары в раннем средневековье восприняли культуру Рима через его руины. *“Русь же с принятием христианства получила возможность непосредственно перенимать (принимать) наследие от еще сохранившейся части Римской империи – Византии”* [1, с. 9]. И далее: *“Элитарная культура... на Западе и Востоке Европы не слишком различалась”* [1, с. 10]. Едва ли это так. Ведь именно элитарная культура у восточных славян и сложилась на византийско-православной традиции. И это настолько укоренилось, что стало основой политической культуры Российского государства вплоть до наших дней, что отразилось в частых сравнениях с

¹ Автору статьи уже приходилось писать об этом при анализе работы Е.Т. Гайдара [2].

византийскими способами управления. Идея “Москва – Третий Рим” не от этих ли основ? Культура западноевропейского правящего сословия складывалась на иной основе, в рамках так называемого уравновешенного синтеза германских и римских порядков, на сочетании признания иерархичности государственного устройства с политическими свободами дворян. Эти различия настолько существенны для ответа на поставленный автором вопрос, что мы к ним еще вернемся.

Пока же продолжим по тексту. Автор констатирует отсутствие равенства в развитии хозяйства и массовой культуры Руси и Западной Европы. В этом он совершенно прав. Но в обосновании этого тезиса и в поисках причин отставания Руси ограничивается лишь природной составляющей, названной в книге “*антропогенизация природного ландшафта*”, под которой имеются в виду западноевропейские лесные расчистки X – XIII вв. или так называемая внутренняя колонизация, которая не затронула тогда Восточную Европу. Из этого автор выводит и различия в сельском хозяйстве, в агроприемах, их неразвитость у восточных славян. Взяв эти процессы за основу, автор переходит к их влиянию на культурное состояние, на представления о мире, из которых и выводит особый практицизм людей Запада [1, с. 11]. Хотя делается ссылка на более ранние работы, но вывод выглядит недостаточно обоснованным.

В стороне оставлены специфические и социальные порядки, складывавшиеся в Европе еще к середине I тыс. Заметим, что в компаративистике надо сравнивать не одновременные явления в изучаемых регионах, а структурно сходные. Если историю Восточной Европы логично начинать с первых государственных образований, т.е. с рубежа I – II тыс., то аналогичные процессы на западе континента начались, как известно, на полтысячелетия раньше. Ранние древнерусские княжества уместно сопоставлять не столько с синхронными им западноевропейскими, где уже распространилась вассально-ленная система, сколько с поздневарварскими королевствами – теми же франками эпохи Меровингов (VI – VII вв.). Именно с тех времен там стали складываться порядки, лежащие в основе всей специфики западной цивилизации, выделившие ее из всех остальных сообществ.

Возвращаясь к рассматриваемой дихотомии – Запад и Восток Европы, – нельзя забывать, что в основе наступивших различий лежала специфика общественной организации: у германцев – община-марка, состоявшая из отдельных домохозяев с большими индивидуальными правами на землю – аллодами (основа будущей частной земельной собственности), у славян – сплоченная коллективная община и отсутствие хозяйственной индивидуализации. Без изучения этих различий в общинном землепользовании, от которого и особый менталитет – с западным индивидуализмом и восточнославянским коллективизмом, – убедительного объяснения различий западных и восточных европейцев не найти².

² Нельзя забывать и о возникшем на рубеже II тыс. размежевании между западными и восточными славянами, причем не только конфессиональном, но цивилизационном (отсюда и победа католицизма у западославянских народов).

Итак, почему на Западе возник и укоренился аллод, а для Восточной Европы еще и теперь частная земельная собственность не органична? И это при том, что в византийском обществе римское частное право никто не отменял. Но эта сторона византийских порядков не была воспринята древнерусским обществом, не нашла в нем резонанса. Ответ на этот вопрос придаст концепции автора куда больше убедительности, чем рассуждения о христианизации сверху, подавившей, очевидно, народную инициативу.

Автору статьи уже приходилось писать о данной проблеме [2; 3]. Если суммировать, то, отталкиваясь от природных особенностей, надо констатировать, что, как у греков и римлян, так и у германцев, в становлении их обществ существенную роль сыграла близость морского побережья, расчлененный рельеф и климат, способствовавший формированию индивидуальных крестьянских хозяйств с четко очерченными земельными владениями, что привело к раннему формированию прав собственности на землю. Отсюда – индивидуально-семейная ответственность, та самая активность и самостоятельность, которую в древности проявили дорийцы и италики, а с раннего Средневековья – западные европейцы. Германцы пришли в соприкосновение с римскими порядками, уже имея свои традиции индивидуального землевладения (упоминавшиеся аллоды). Славянские же народы, сложившиеся в равнинных лесных пространствах, да еще в условиях относительно континентального климата, сохранили в своей повседневной жизни сплоченность, необходимую для выживания в менее благоприятных условиях. В итоге прочные общинные узы у них сохранились и к началу II тыс., ко времени, с которого начинает сравнивать запад и восток континента наш автор. Прочная же община, как известно, тормозит индивидуальный прогресс и в хозяйстве, и в социальных отношениях.

Устойчивое общинное землевладение тормозило и формирование индивидуальных владений правящего сословия: нет аллодов – нет феодалов, этой основы западноевропейской рыцарской вольницы [3, с. 59; 4]. А без нее – нет и привычки отстаивать индивидуальные права, привычки, которая постепенно сформировалась у западных горожан. А без городских свобод нет и хозяйственного прогресса, благодаря чему Западная Европа постепенно возвысилась над всем традиционным Востоком, к которому оказалась близка, причем не только географически, но и общественными порядками средневековая Русь.

В данном месте надо определиться и со значением Новгорода. Его, как и средневековый Псков, обычно в российской историографии рассматривают как западноевропейские форпосты на Руси. Да, эти города не были административными княжескими центрами, как другие древнерусские города. Но и свободными самоуправляющимися, как западные, эти города тоже не были. Они были во власти окрестных землевладельцев и скорее напоминали города Далматинского побережья Балкан. Это важно подчеркнуть, ибо в них не вырабатывался особый предпринима-

тельский дух, основанный на свободной бюргерской (пополанской в Италии) инициативе, охраняемой в особых городских конституциях типа Магдебургского права и ему подобных сводов. Новгородский правящий слой скорее напоминал некоторых английских лордов из-за аналогичной скудости земельных владений, занимавшихся торговлей. То есть эти города не могли, в отличие от западных, стать во главе хозяйственного и социального прогресса. Хотя, конечно, более высокий уровень свобод по сравнению с другими городами Руси в них был. Не случайно Новгород стал средоточием единственной городской ереси на Руси – стригольников. Но также не случайно в городе, знаменитом своей бытовой грамотностью (благодаря массовым находкам берестяных грамот), не появилось светских школ, из которых с XIII в. на западе стали возникать университеты.

Про университеты мы вспомнили не случайно, ибо их отсутствие отметил, сопоставляя Русь с Западом, наш автор [1, с. 12]. Если отметил, то надо и объяснять. Университеты – порождение западноевропейских городских свобод. Последние же – отдаленное следствие все тех же общин, состоявших из семей аллодистов, которые вели самостоятельную хозяйственную деятельность и сохраняли эту самостоятельность даже в условиях личного закабаления в феодальных сеньориях. Города же на западе создавались теми из общинников, для которых свободы были значимее земли. Они и становились свободными ремесленниками и торговцами, создавали города и светское образование в них.

Кстати, из тех же аллодов родились и феодалы (лены), права на которые гарантировались службой, причем не очень обременительной. На Руси такие права имели только бояре, пока к ним не пришли опричники Ивана Грозного. Наличие четких земельных прав западных феодалов, так же как и свободные города, как и независимая от отдельных монархов Римская церковь, формировали и присущее западному обществу представление о разделении властей, об ограничениях для любой власти. Полагаем, что эти аргументы для общей концепции Э.С. Кульпина более убедительны, чем несколько иррациональные рассуждения автора о протестантской этике до возникновения собственно протестантизма [1, с. 12-13].

Что до возможностей для древнерусских диссидентов скрываться в лесах [1, с. 13], то это действительно существенный фактор всего развития российского общества во II тыс., сформировавший и представления о мире, и способы взаимодействия в нем (известная антитеза: Столыц – Обломов).

Таким образом, наши дополнения являются еще одним аргументом в поддержку вывода, жестко сформулированного автором: *“отставание Восточной Европы от Западной четко обозначилось еще до монгольского нашествия”* [1, с. 14].

Далее автор доказывает, что монголы на Руси силой установили ту нормализацию общественных отношений, которая на Западе обуславливалась внутренними процессами [1, с. 19]. Думается, в этом – корни ментальных отличий обеих цивилизаций: представление о собственных

правах и возможностях, более полно впоследствии воплотившееся в ренессансной культуре Запада, и, наоборот, привычка к подчинению сильному, долгая пассивность, в крайностях – бунт от бессилия. К этому совершенно обоснованно автор добавляет единство романского, латинского мира, особенности золотоордынского географического и культурного пространства, лишенного подобного единства [1, с. 20-23].

Из текста, однако, при этом вытекает, что в итоге и Орда стала *“мостом между Западом и Востоком, географическим центром информационного, генетического и многих других видов обмена”* [1, с. 24]. Но при этом нельзя забывать о разрушениях при создании и функционировании этой державы³. Автор пытается не то чтобы их приуменьшить, но счесть не столь существенными на фоне полученных преимуществ стабильности и новых возможностей в обширном государстве. Приводит соответствующие мнения и В.О. Ключевского, и археологов. Но ведь нельзя забывать и об экологической катастрофе в междуречье рр. Сырдарьи и Амударьи, и о серьезном обеднении уровня древнерусского городского ремесла в послемонгольское время. И главное – эта власть заложила в России привычку добиваться результатов прежде всего насильем, причем исходящим от власти!

Не обратив на это внимания, Э.С. Кульпин констатирует преимущество, которое Восточная Европа достигла благодаря Орде раньше Запада, – государственное объединение на обширнейшей территории [1, с. 25]. Объединение с помощью насилия! А стало ли это преимуществом в исторической перспективе?

Далее, обратившись к причинам быстрого падения Золотой Орды, *“довольно хорошо организованного государства”*, автор повторяет штамп евразийцев о возможности *“консолидации этносов одного вмещающего ландшафта (впоследствии российского) в суперэтнос”* [1, с. 28]. Ну как мог создаться суперэтнос из тюркок-кочевников и славян-земледельцев? Впрочем, далее приведено мнение о *“механическом соединении степного мира и городского”*. Но автор с ним не согласен: *“В Золотой Орде и кочевники, и земледельцы находились в рамках одного государства, где имели место если не единые, то весьма близкие основные представления людей о мире и себе, и действовали в целом одни законы, хотя права и обязанности отдельных социальных слоев и групп населения, естественно, различались”*. Но отчего тогда русские князья боролись и, наконец, избавились от Орды, как, кстати, в том же XIV в. и иранцы, и китайцы?

Автор приводит мнение, что монголам удалось создать в Орде порядок, подчиненный интересам торговли и потому выгодный всем. Но это не монгольская, а скорее китайская идея (от советника Чингисхана, из киданей, получившего конфуцианское образование Елюй Чуцай). И да-

³ О необходимости не забывать кровавый террор и политику устрашения, активно применявшиеся монгольскими завоевателями, недавно напомнил И.Н. Ундасынов [5].

лее – торговля укрепляет не только связи, но и отдельные узловы́е области, которые начинают тяготиться необходимостью содержать Центр, – отсюда и последовавшие усобицы, и последующий распад... Так в чем же сила и значение Орды? Все в той же военной организации, которую торговля постепенно развела, как ржа.

В том же ряду и рассуждения о *цивизованности* установленного в Орде порядка. Автор рассуждает о свободе в тогдашнем представлении: *“С современной точки зрения подданный хана был бесправен, поскольку его права не были защищены четкими, юридически оформленными законами, обязательными для всеобщего исполнения, когда “закон выше короля”*. С позиций тогдашнего европейца – *максимально свободен*. Ибо, по его понятиям, *“свободный человек – это тот, у кого есть могущественный покровитель”* [Ссылка на Ж.Ле Гоффа]. В Золотой Орде покровитель был самый могущественный из всех возможных – *огромное мощное государство*. Едва ли тогдашний европейец променял бы свои частные свободы на Ордынскую единую. Здесь – подмена, примерно такая же, какая была свойственна так называемой сталинской конституции: декларативная демократия и реальный произвол. Ибо за каждым западным феодалом стояли его собратья по сословию, зорко следившие за тем, чтобы король не выходил за рамки обычаев, иначе... Вспомним Великую хартию вольностей с ее советом из 25 баронов, следившими за монархом, чтобы “не шалил”. Вспомним обстоятельства возникновения английского парламента. Вспомним, что за каждым бюргером стоял его город, за профессором и школяром – его университет, за ремесленником и купцом – их цехи и гильдии, которые для того и создавались. А вассально-ленные договоры и клятвы? А договоры городов с сеньорами?... Феномен корпоративизма хорошо известен медиевистам. А в основе – все тот же аллод, в соединении с нормами римского права. У автора же получилась апологетика восточному деспотическому государству. И наконец, если *“созданный в Золотой Орде порядок максимально благоприятствует торговле”*, то почему все это развалилось, да еще так стремительно? Не увидели покоренные народы своего счастья! Конечно, и такое в истории бывало. Но деспотические достижения никогда не были прочными и не стимулировали прогресс, ибо душили частную инициативу.

Кстати, использование выводов Ж.Ле Гоффа в контексте книги об Орде некорректно. Да, он называл европейских купцов маргиналами. Но это с точки зрения *тогдашних* представлений! Однако он не сравнивал их положение с восточным. Его “Цивилизация средневекового Запада”⁴ написана для современного западного читателя и призвана показать ему особенности *того* средневекового общества. С другими цивилизациями он не сравнивает. Специфика компаративистики – в необходимости сравнивать не факты, тем более – не термины, а структуры. Один и тот

⁴ Не цивилизации, как у Э.С. Кульпина.

же термин в разных обществах может иметь разные смыслы⁵. Как и понятие свободы, так и отношение к купцам было разным. Как ни выкручивай, городские права делали западноевропейского купца субъектом права. Бесправный перед феодалом, он мог хотя бы укрыться в своем городе, где часто входил в патрициат, в городскую верхушку. На Востоке же его защитой был лишь какой-либо личный покровитель, "выдававший" такого купца. Правовая защита, гарантированная центральной властью, которой так верит автор, в условиях Востока была лишь декларацией (или декорацией), за которой не стоял обычай частного права, сложившийся на Западе. Те препятствия для западных купцов, которые живописует Ж. Ле Гофф и повторяет автор [1, с. 31], они же и преодолевали, сбиваясь в гильдии, подкармливая королей и поддерживая их стремление к централизации, и, в конце концов, добились своего, став могильщиками феодализма и, попутно, финансируя своих ремесленников. На Востоке же купцы добивались лишь каких-то личных благ и не сумели стать во главе экономического прогресса. Власть так и осталась за деспотами. Ордынский порядок был сугубо казарменным и держался до тех пор, пока его исполнители не развратились возможностью контролировать и купцов, и финансовые потоки.

"Для полноты картины жизни Западной Европы" автор обращается к А.Я. Гуревичу и Д.Е. Харитоновичу и приводит вырванную из контекста пространную цитату о рыцарском произволе [1, с. 32]. Она, заметим, взята из главы о средневековом западноевропейском быте школьного учебника. Целью авторов было показать повседневность Запада глазами людей того времени, опять-таки без всякого сравнения с Востоком, о деспотизме которого писали и древние греки, и средневековые западноевропейские путешественники, потом и просветители. Сравнить, еще раз, надо структуры в историческом контексте. Заметим, что и западноевропейского средневекового крестьянина называют крепостным, и российского. Но можно ли было крестьянина на западе продать без земли, вырвав из своей семьи молодую девушку или парня, как это практиковалось в позднесредневековой России? Не зря некоторые советские медиэвисты писали, что к средневековому Западу не применим термин крепостничество! [3, с. 36].

Из таких некорректных ссылок автор делает вывод, что в Золотой Орде "жизнь и повседневная деятельность были несравнимо более защищены, чем у жителя Западной Европы" [1, с. 32]. Но эта защита в Орде оказалась временной, тогда как на Западе борьба с феодальным произволом была постоянной и увенчалась не ликвидацией очередного бандита или деспота, а всей системы! Восток же, и монголы не исключение, порождал лишь отдельные всплески порядка при мудрых и одновременно сильных правителях, которые, однако, были смертны. Систе-

⁵ Как в известном анекдоте: «А могут ли советские люди проводить демонстрации?» – «Конечно. Первомайские, например. И так же, как в Америке, могут кричать "долой Никсона"».

ма же не мянялася, как і парадигма деспотызма. Вот гэтых караных разліччых аўтор, верагодна, не заўважыў. Гэта як сьравніваць двух людзей па частям: у кога лепш нос, правільнае ўхо, вышэй рост, і па гэтым параметрам дэлаць вывад, какай же з двух крашвее.

Выводы аўтара о ролі торгавлі і яе арганізацыі в Орде в кароткі перыяд яе адносна мірнага існавання ўполне абаснованы. Хоця адна лі яны былі рэшаючымі. Вспомнім о налагах, ізымавіхся в пользу монголаў с пакарэнных народаў. І еслі все так было рацыянальна ўстроена, то па чэму в Кытае была сьвергнута монгольска днастыя Юань? Надо заўважыць, што і с гэтым довадом не так прасто, как паказана в монографіі. Вядь монгольска імперыя была пастроена на угнетенні кытайцаў, на высасыванні з іх станы рэсурсаў для існавання монгольска знаті і, вазможна, той адміністрацыі, которая кантралявала бэзопаснась торгавых пуцяў. Сбросіў монголаў, кытайцы менее чэм за столетіе дасягнулі ещэ большых ўспехаў, чэм ордынцы і бэз эксплуатацыі іных народаў. Ну а затым – таковы людзі – міны тажэ началі ўжо сваю экспансію. Не столь блэстящую, как ранее монголы, ібо кытайцы былі земледельчэскім аащэствам, менее падвжымым, не імавішм вазможнась мобілізаваць агромныя массы полутолодных кочевнікаў, нуджавшыхся в прадуктах і земледелія, і рэмесла. А затым, впаў в ачэрэднэй крызіс, в XVII в. кытайцы былі разгромлены ачэрэднымі севэрнымі кочевнікамі, родствэннымі монголам, – маньчжурамі. Так што хорашая арганізацыя внаешняй торгавлі і, дабавім, почтавой сьвязі была лішь адным, і далэко не рэшаючым, элемэнтам. А главное, аснованная на деспотызме, яна не была прачной, как і все в такіх рэжымах, ібо опіралась на сілу, а не на лічную заінтэрасаваннась людэй.

Здэсь же ўместно адметыць і краткую характарыстыку Кульпіным кытайскай цывілізацыі в Срэдніе века: *“В аотлічыа от Западной Европы, несмотря на перыодычэскіа (цыкльчэскіа) крызісы, эта цывілізацыя не знала культурных провалов”* [1, с. 60]. Адна лі с гэтым можна сагласыцца. Вспомнім III – VI вв., монгольскае нашэствіе в XIII в. Счытаць, што *“в XIII – XIV вв. самоу высокой земной цывілізацыяу была кытайская”*, нельзя. Ачэрэднэй пэдъём начался пасле востанавлєня с сэрэдыны XIV в. А в XV в. стана “закрылась” от іностраницаў, што адна лі сьвідэтэльствавало о яе прэвосходствє. Кытаты, естэ інтэресныа пэдсчыты, дєлаючыа сапаставлєніє цывілізацыаў болєе прєдмєтнымі [6, с. 55-60]. Яны доказывають, што кытайскае аащэство в монгольскае і паслємонгольскае врэмя было, в лєчшєм случає, в састояннн стагнацыі, но ннкак не расцвєта. Іноє дєло, што монголы от кытайцаў многое взыаі (і в рємєслє, і в госудаствєннєм упрավлєннн, но, главноє, в прямых ізъятых в вїдє налагаў і пабораў).

Здэсь надо заўважыць, што рассмотрєнныа вышє неточноты порождєны ізвєстнэй іллюстратывнотью: беруться яркыа разработкы западных мєдєєвнстєв і бєз контєкстнєго аналіза сапаставлєються с ордынскымн рєаліямн, ісслєдованнымн інымн мєтодыкамн. Напримєр, пэдчєркыва-

ется убогость западного быта [1, с. 35]. Но почему-то забывается, что именно эта убогость родила самое экономически развитое общество. Выяснение этого не задача автора, но видеть эту перспективу надо, иначе искажается представление и об исследуемом Востоке⁶.

Так же однобоко рассмотрен и феномен веротерпимости монголов, опять-таки в противопоставлении с Западной Европой [1, с. 35, 37-38]. Справедливо обращено внимание, что это связано с личными установками Чингисхана [1, с. 36-37]. Но этот феномен характерен для многих просвещенных монархов. Вспомним современника тех событий германского императора Фридриха II Штауфена. Главное для таких политиков – сохранение их личной власти, и в этом они прагматики. Далее автор констатирует, что российские власти и православие не сохранили эту толерантность, хотя именно религиозная политика монголов, *“верховная власть Орды... способствовала формированию на Руси единого мировоззрения и, следовательно, этноса – русского этноса”* [1, с. 40].

Для глубокого понимания тогдашних процессов стоило бы обратить внимание на то, отчего же отсутствие веротерпимости на Западе не помешало ему потом возвыситься? А с другой стороны, почему русское православие не способствовало этому. И почему религиозная терпимость монголов тоже не привела к прогрессу? Повторимся еще раз: нельзя объять необъятное. Но если ставить задачу объединить ландшафтно-экономические штудии с социальной историей, названные вопросы надо исследовать. Иначе зачем “множить сущности”?

В поисках ответа на вопрос о причинах недолговечности Орды автор исследует особенности распространения в ней ислама, констатирует неразвитость внутривоспитательных связей. Относительно отставания Руси отмечается, что интенсификация земледелия в ней была невозможна из-за редкого населения. Здесь автор убедителен: сказывается взгляд экономиста.

Далее он сравнивает благоустройство западных и ордынских городов и делает вывод о преимуществах последних [1, с. 45-48]. И лишь здесь, наконец, вместе с городскими стенами Запада автор увидел коренное отличие – полную подчиненность ордынских горожан государственному аппарату, отсутствие свобод. Но далее констатации этого не идет, а возвращается к высокому уровню благоустройства в Орде. При этом автор возражает мнению о чуждости степнякам городской культуры, хотя и признает, что, по сути, эти города сосуществовали с кочевниками лишь силой ханской власти [1, с. 54]. Более того, указывает, что расцветшие на внешней торговле ордынские города не сохранились и известны лишь по раскопкам. Аргумент, *“что города [в Орде. – Я.Р.] возникли там, где до того и много после не возникали, сам по себе свидетельствует о мощи и организованности государства, его способности сплачивать общество и*

---

⁶ Вообще, представление автора о том, что Западная Европа – эталон для историков [1, с. 45], выглядит устаревшим и не соответствует современной компаративистской историографии. Отсюда, очевидно, и многие наши претензии.

готовности общества идти навстречу государству”, неубедителен. Ибо автор признает, что возникли они искусственно, потому с распадом государства исчезли. Не было внутренних основ, кроме внешней торговли. Не было, уж тем более, специфического городского слоя со своими свободами, как в Западной Европе.

Автор подробно рассуждает о населении ордынских городов, которое его интересует для исследования возникновения симбиоза степняков с земледельческим миром и констатирует: “Объективно это разноплеменное городское население, со временем сплавлившееся в единое целое, способствовало созданию единства всех народов государства, сложению из разных этносов – единого суперэтноса” [1, с. 58]. Могло способствовать, если бы государство там сохранилось, как, например, в Турции, где лишь после XVII в. городское население интегрировалось с сельским в единый народ.

Подробно рассмотрены причины упадка и краха Орды. Справедлив анализ происходивших процессов и вывод о том, что единства покоренных народов создать не удалось⁷. К несомненной заслуге автора можно отнести аргументированный анализ хозяйственного упадка степи при ее урбанизации и заселении славянским земледельческим населением [1, с. 65-96]. Напрасно автор извиняется перед читателями за “чрезмерно подробное” описание степи. Это, пожалуй, ключевое место монографии. Автор убедительно обосновал причины упадка избыточной антропогенной нагрузкой на степь и возникшим вследствие этого экологическим кризисом. Кстати, этот же анализ позволил автору верно указать на одну из существенных причин кризиса на Руси в XV в., связанного с архаичным земледелием и климатическими изменениями [1, с. 80, 100]. Здесь автор убедителен, как говорится, “в теме”, привлеченная им литература проанализирована комплексно, а не выборочно, как в случае с Западной Европой. Без преувеличения надо признать: это новое слово в средневековой русистике.

Хотя, когда автор отрывается от своей природной стихии, вновь возникают шероховатости. Например, при характеристике русских городов ордынского времени как застывших в своем развитии [1, с. 118]. Если вспомнить вышеописанный расцвет тогдашних ордынских городов, то объективно получается, что благополучие последних возникло и за счет ограбления первых. Но автор старается это не замечать и концентрируется на бедной природе. Нельзя оценивать русские города и без структурных сопоставлений с западноевропейскими, о чем писалось выше.

Однако, возвращаясь к системе “крестьянин – природа”, Э.С. Кульпин вполне обоснованно всеми представленными материалами может утверждать: “хозяйствующий русский крестьянин – разрушитель экологического равновесия лесной зоны” [1, с. 119].

⁷ Слова о том, что “мир можно завоевать сидя в седле, но нельзя управлять им с седла”, принадлежат не Бату-хану, а не то Хубилаю, не то Елюй-Чуцаю.

Вся заключительная часть книги посвящена анализу причин складывания в средневековой Руси именно такой ситуации, которая затормозила ее прогресс. Анализируя все составляющие, автор старается убедить читателя, что возникшая система – государственный феодализм с самодержавием – и была объективно возможна в сложившихся природных условиях. Отходя от строго научного повествования, автор позволяет себе порассуждать о возможных альтернативах русской истории. Но в итоге приходит к выводу, что *“заимствование от Золотой Орды принципа, согласно которому единственным собственником и владельцем земли является верховный правитель”* [1, с. 159], не имело альтернативы. Наверное, при средневековых технологиях это именно так. В качестве дополнительного аргумента к авторской концепции можно добавить, что и специфическая русская община, ограничившая крестьянские права, тоже, очевидно, консервировалась специфическими восточноевропейскими природными условиями.

Заключение

Повторимся, авторский анализ системы *“природа-общество”* (по Кульпину, социоестественная история) убедителен и непротиворечиво объясняет направленность средневековой истории Руси. Но в послесловии автор возвращается к созданному им идеализированному образу Золотой Орды, возникшему, как отмечалось, из-за поверхностных сопоставлений с западноевропейским Средневековьем. А затем переходит к оправданию сложившейся российской государственности, сумевшей, в отличие от Орды, создать единое этнокультурное целое. Однако, как ученый, он не может не признать, что *“достоинства централизованной системы – способность концентрации сил, ресурсов и быстрой ответной реакции на негативное воздействие, недостатки – в сильном влиянии на все общество плохих решений, принятых в центре. Гибель центра – нередко гибель всей системы”*. Отсюда – противоречивость общего вывода книги: если бы не катаклизмы XX в., форма унитарного государства с концентрацией в центре всех сил и ценностей, *“ограничением гражданских свобод, как условием выживания специфической российской общественной системы”* [1, с. 163], была бы естественна для России. И на этом автор ставит точку.

Поскольку исследование продолжается, хотелось бы пожелать автору внимательнее проанализировать западноевропейское Средневековье, что должно открыть в теме новые эвристические возможности. Возможно, это позволит увидеть и оценить иные пути европейской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кульпин, Э.С.** Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства / Э.С. Кульпин. – М., 2007.
2. **Риер, Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы / Я.Г. Риер // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX-XX. – С. 165-187.

3. **Риер, Я.Г.** Цивілізацыі сярэневеков'я і пачатка новага часу: вопыт структурнага аналізу / Я.Г. Риер. – Могилев, 2003.
4. **Steuer, H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials / H. Steuer // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. 1982. – No. 128. – S. 421-426.
5. **Ундасынов, И.Н.** Джучи-хан / И.Н. Ундасынов // ВИ. – 2008. – № 9. – С. 38-39.
6. **Мельянецв, В.А.** Восток и Запад во II-м тысячелетии: экономика, история и современность / В.А. Мельянецв. – М., 1996.

Поступила в редакцию 22.04.2009 г.